

морального вреда в ходе административного процесса был сформулирован в разъяснениях Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения норм КоАП Республики Беларусь и ПИКоАП Республики Беларусь вскоре после введения указанных кодексов в действие.

В то же время на практике целесообразность запрета рассматривать вопрос компенсации морального вреда непосредственно при ведении административного процесса представляется достаточно сомнительной, так как лишь приводит к дополнительным временным и материальным затратам. Очевидно, что более разумным и оправданным с точки зрения оперативности осуществления правосудия представляется рассмотрение требования о взыскании морального вреда непосредственно при ведении административного процесса.

Также наиболее целесообразным возможным вариантом законодательного разрешения вопросов, связанных с компенсацией морального вреда, может стать и расширение § 4 «Компенсация морального вреда» гл. 58 ГК Республики Беларусь за счет включения в него дополнительно соответствующих статей и разработки правил о порядке исчисления морального вреда и размерах компенсации.

Такой подход окажет благотворное влияние на практическое применение гражданского института компенсации морального вреда.

Проблемным остается вопрос и о круге лиц, имеющих право на возмещение морального вреда. Таким образом, право на компенсацию морального вреда имеет только лицо, которому причинен моральный вред (физические и нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащее гражданину другие нематериальные блага, а также в иных предусмотренных законодательством случаях.

В то же время зарубежная практика развивается по пути признания права на компенсацию морального вреда и за другими лицами, постепенно расширяя их список.

Так, в Германии близкие родственники и супруги могут требовать компенсации морального вреда, если они стали очевидцами причинения физических страданий их близким (в форме шока).

В Англии и США законодатель признает право на компенсацию морального вреда очевидцу, наблюдавшему причинение вреда третьему лицу, при наличии одного из следующих условий: очевидец непосредственно находился в «зоне опасности»; очевидец находился в особых отношениях с потерпевшим (родственник или член его семьи); причинитель вреда имел договорную обязанность по отношению к очевидцу и потерпевшему.

Одним из направлений изменения подхода к требованиям о компенсации морального вреда в Англии, отраженных в рекомендациях парла-

ментской комиссии по законодательству, является разработка примерного перечня лиц, которых следует признавать находящимися в особо близких отношениях. По мнению комиссии, помимо супругов, родителей и детей в перечень должны быть включены братья и сестры, а также лица, находящиеся в фактических брачных отношениях, в том числе и гомосексуального характера.

Таким образом, белорусское законодательство не признает права близких родственников на компенсацию их страданий, за исключением случая смерти их близких, и не предусматривает компенсацию страданий близким людям, не являющимися близкими родственниками. Не признавая компенсации физических и нравственных страданий близких потерпевшему лиц, законодатель тем самым невольно отрицает наличие в подобных ситуациях страданий как таковых, саму невозможность близких лиц сострадать и любить [2, с. 87].

Хотелось бы, чтобы и в нашем законодательстве учитывалась мировая тенденция к расширению круга лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда не только в случае смерти близкого лица от преступления, но и в случае причинения вреда его здоровью административным правонарушением.

Представляется, что реализация на практике предложенных мер в конечном счете будет способствовать более эффективной защите прав и законных интересов тех субъектов, которым административным правонарушением причинен вред.

1. Степанов В. Возмещения вреда в административном процессе // Юстиция Беларуси. 2011. № 8. С. 41–43.

2. Гюрджан Е. Я. Проблемы субъективного состава в обязательстве из причинения морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью // Право Беларуси. 2003. № 36. С. 85–87.

УДК 343.85

В.И. Пенкрат

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К БРАКУ И СОЖИТЕЛЬСТВУ

Из различных форм совместного проживания людей человек разумный выбрал семью, как вариант, оптимально отвечающий его потребностям, обеспечивающий стабильность и поступательное развитие человеческого сообщества.

Известно, что семья является центром пересечения основных социальных явлений, происходящих в современном обществе. Семейные отношения, по определению социологов, были и остаются ядром всех правовых отношений в государстве [1, с. 109].

Последняя перепись населения в стране показала, что число молодых людей брачного возраста значительно увеличилось, но они по различным причинам не желают официально регистрировать брак. Более того, юноши и девушки обустраивают свои отношения подобно браку и называют их «гражданским браком» [2, с. 78]. Что это – оправдание неофициальных брачных отношений между мужчиной и женщиной или же незнание молодыми людьми элементарных правовых норм?

Именно поэтому представляется интересным проанализировать мнение и суждение о браке и семье молодежи, тех, кому в недалеком будущем необходимо будет создавать свою семью.

Для выяснения этого нами было опрошено 517 студентов 3–5-х курсов дневного и заочного отделений трех ведущих учреждений высшего образования Республики Беларусь: Государственного педагогического университета им. М. Танка, Белорусского Национального технического университета и БИП – Института правоведения.

В анкете было 3 вопроса:

«Для чего, на Ваш взгляд, заключается брак?»;

«Почему на Ваш взгляд, некоторые мужчины и женщины не заключают брак, а сожительствуют?»;

«Как Вы для себя решили поступить в будущем: сразу вступить в брак или вначале будете сожительствовать?».

Каждый из вопросов сопровождался готовыми ответами. Кроме указанных ответов опрашиваемые могли дописать свой вариант.

На 1-й вопрос были получены следующие ответы:

студенты (юноши) не состоящие в браке, наиболее значимым определили ответ – оставить после себя потомство (82,5 %). Далее ответы по степени важности распределились следующим образом: прожить жизнь с любимым человеком – 70,0 %, избежать одиночества – 35,7 %, регулярно заниматься сексом – 23,1 %, быть социально и материально защищенным – 9,1 %, улучшить свое материальное положение – 4,2 %, обеспечить потомству достойную жизнь – 2,8 %, не ответили – 1,4 %;

студентки (девушки) не состоящие в браке, наиболее важным для себя определили – прожить жизнь с любимым человеком (88,0 %). Далее ответы по степени важности распределились следующим образом: оставить после себя потомство – 69,9 %, быть социально и материально защищенным – 54,2 %, избежать одиночества – 18,1 %, регулярно за-

ниматься сексом – 14,5 %, улучшить свое материальное положение – 6,0 %, узаконить отношения – 2,4 %, заключение брака вообще не нужно – 1,2 %.

На 2-й вопрос были получены следующие ответы: нежелание брать на себя ответственность и обязанности, которые возлагает брак на мужчину и женщину – 60,8 %, проверяют себя на физическую и психическую совместимость – 58,0 %, сожительство можно прекратить в любое время по желанию одной из сторон – 56,6 %, желание уйти из-под опеки родителей – 8,4 %. По 0,7 % получили такие ответы, как «улучшить свое материальное положение» и «это сейчас модно».

Студентки, не состоящие в браке, на вышеуказанный вопрос ответили следующим образом: проверка себя на физическую и психическую совместимость – 71,1 %, нежелание брать на себя ответственность и обязанности, которые возлагает брак на мужчину и женщину – 66,3 %, сожительство можно прекратить в любое время по желанию одной из сторон – 42,2 %, желание уйти из под опеки родителей – 15,7 %, недостаточное материальное положение – 2,4 %. По 1,2 % получили такие ответы, как «неуверенность в себе», «не доверяют друг другу», «брак – это пустая формальность».

На третий вопрос 43,4 % студентов, не состоящих в браке, ответили, что сразу вступят в брак, 52,4 % – вначале будут сожительствовать и 4,2 % – не определились с выбором.

На аналогичный вопрос не состоящие в браке студентки ответили следующим образом: 45,8 % – сразу вступят в брак, 49,4 % – вначале будут сожительствовать и 3,6 % – не определились с выбором.

Заставляют задуматься такие ответы, как «нежелание брать на себя ответственность и обязанности, которые возлагает на себя брак на мужчину и женщину» (около 70 %), и «сожительство можно прекратить в любое время по желанию одной из сторон» (около 40 %).

По нашему мнению, эти результаты показывают социальную незрелость и неготовность определенной части молодежи к заключению брака и созданию семьи, свою неуверенность в возможности обеспечить потребности будущей семьи.

Для полноценного выполнения своих функций семье необходимо, чтобы конституционное положение о защите и охране семьи получило дальнейшее развитие и конкретизацию в различных отраслях законодательства и прежде всего в брачно-семейном.

Видятся некоторые направления решения этой проблемы:

сделать охрану семьи приоритетным направлением в правотворческой и правоприменительной деятельности государства;

устранить существующие и предупредить возможные коллизии при защите семьи с помощью норм разных отраслей права;

увеличить женщинам продолжительность отпуска по уходу за ребенком до 6 лет, с сохранением места работы (должности) и среднего заработка;

установить главенство интересов семьи при разделе общего имущества супругов, отойдя от принципа равенства их долей в общей совместной собственности;

усилить в средствах массовой информации просвещение молодежной аудитории по вопросам семьи и брака;

активизировать воспитательную работу в вузах в этом направлении.

Предлагаемые меры по защите и охране семьи, на наш взгляд, изменят отношение молодежи к браку и сожительству и будут способствовать устойчивому инновационному развитию Республики Беларусь.

1. Нечаева А.М. Социальная роль семейного права и история его развития // Право и политика. 2003. №11. С. 109–112.

2. Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социол. исслед. 2003. № 11. С. 78–83.

УДК 341.96:347.23

А.А. Поваляев

ПРАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА В ЕВРОСОЮЗЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Анализ правоприменительной практики показывает, что вопросы регулирования трудовых отношений находятся в постоянной динамике ввиду тех стремительных перемен, которые произошли в мире за последние 20 лет. Эти изменения особенно ощутимы в государствах – членах Евросоюза (ЕС), а также в СНГ.

В рамках ЕС существуют принципы, нормы и стандарты, закрепленные в актах первичного права этой организации, которыми государства-члены должны руководствоваться при регулировании трудовой деятельности своих и иностранных граждан. Государства – члены ЕС, являясь субъектами международного права, в соответствии с принципами равенства и добровольности осуществления международных обязательств

обязуются согласовывать внутреннее (национальное) законодательство с обязательствами по международному праву. Закрепленная в определенной правовой форме система международных отношений способна эффективно функционировать при наличии определенных политических и социально-экономических предпосылок.

Правовые нормы, закрепленные в учредительных договорах об образовании Европейского сообщества и ЕС, являются нормами первичного права ЕС и обладают верховенством над нормами вторичного права, которые конкретизируются в регламентах, директивах, рекомендациях, издаваемых институтами ЕС. Поскольку учредительные договоры были не в состоянии предусмотреть всего многообразия изменений в праве ЕС, нормы вторичного права обеспечивают повседневную деятельность институтов ЕС и достижение стоящих перед ними целей [1, с. 95].

Различные национальные подходы к регулированию и исполнению норм и стандартов в области труда и занятости заставили ЕС выработать свой собственный подход к законодательству в этой сфере. Основным инструментом правового регулирования в трудовой и социальной сферах явились директивы, которые по своей природе обладают определенной степенью гибкости. Эта гибкость реализуется несколькими способами. Во-первых, посредством рамочных директив, в которых устанавливаются обязательные нормы и стандарты, но способы или методы их имплементации определяются государствами – членами ЕС. Во-вторых, через применение директив, направленных на частичную гармонизацию правовых систем. В-третьих, через применение директив, устанавливающих минимальные стандарты, которые государства – члены ЕС вправе совершенствовать. Директивы имеют особую важность для применения норм о труде, так как большая часть законодательства о труде ЕС существует в этом виде. Если государством – членом ЕС не исполняются предписания директивы или они исполняются не в полном объеме, дело против государства рассматривается судом ЕС, который принимает решение, чтобы национальное законодательство было приведено в соответствие с нормой директивы. За 1975–2010 гг. было принято более 20 директив, которые призваны реализовать нормы и стандарты ЕС в области труда и социальной политики, а также совершенствовать правовое регулирование трудовых отношений. Исполнение или имплементация этих директив широко рассматривается в работах зарубежных юристов [2, с. 67–94; 3, с. 314–337; 4, с. 69–70; 5, с. 80, 169–172].